

ние в мрачных красках изобразить его правление побуждали Прокопия уделять значительное место описаниям бедственного положения и революционных движений народных масс, несмотря на ненависть византийского историка к народу и страх перед его выступлениями. Докладчица рассмотрела данные Прокопия, характеризующие резкое падение жизненного уровня народных масс в VI в., что также свидетельствует о наличии в Византии этого времени революционной ситуации, вторым признаком которой В. И. Ленин считает «...обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов»¹. Напомнив, что в качестве третьего признака революционной ситуации В. И. Ленин указывал на «значительное повышение... активности масс, в „мирную“ эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, так и самими „верхами“, к самостоятельному историческому выступлению»², докладчица детально остановилась на истории народных движений в правление Юстиниана.

Охарактеризовав восстание «Ника» 532 г., восстание в Палестине 529 г. под руководством Юлиана, волнения в византийской армии, еретические движения в империи, З. В. Удальцова сосредоточила основное внимание на подробном описании наиболее крупных движений этой эпохи — народно-освободительной войны в Италии под руководством Тотилы и грандисезного восстания в Северной Африке под руководством Стотзы. Эти движения, по мысли докладчицы, представляли собой народно-освободительные войны, направленные против попытки реставрации рабовладельческих порядков, предпринятой Юстинианом в Италии и в Северной Африке. На первом этапе войны Юстиниана в Италии и в Африке византийские войска, поддерживаемые рабовладельцами и некоторой частью варварской знати, захватившей большие земельные владения и сблизившейся с рабовладельческой аристократией, одерживают временную победу. Однако реставрация рабовладельческих отношений, гнет налогов, злоупотребления византийской администрации и религиозные преследования (гонения ариан и других еретиков в Северной Африке) вызвали в Африке и в Италии широкое народно-освободительное движение огромной силы. Во главе этого движения в Италии стояла часть феодализирующейся остготской знати, стремившаяся использовать выступления масс в своих интересах. В Северной Африке (в отличие от Италии) восстание началось в самой византийской армии: его возглавил простой солдат Стотза. На значительном фактическом материале докладчица показала, что в Италии и в Африке силу и размах движению придало участие рабов и колонов. Вместе с тем в Италии восставшие находили поддержку в варваризованной римской армии, а в Африке, кроме того, союзниками восставших являлись племена берберов и маврусиев. Докладчица показала, что именно участие широких народных масс в освободительном движении обеспечило победу восставшим.

Доклад З. В. Удальцовой вызвал оживленную дискуссию. М. Я. Сюзюмов, повторяя выдвинутые им раньше положения, возражал против концепции еского строя в Византии единственно к вопросу об особом месте города в ее истории: он снова выдвинул тезис о свободном населении города как основной социальной опоре рабовладельческой реакции в Византии. М. Я. Сюзюмов пытался отвергнуть также интерпретацию мировоззрения Прокопия, данную докладчицей, считая византийского историка выразителем идеологии новой феодализирующейся знати.

Точка зрения М. Я. Сюзюмова не встретила поддержки со стороны остальных участников обсуждения, которые подчеркнули методологическую правильность и фактическую обоснованность концепции З. В. Удальцовой.

М. В. Левченко рядом дополнительных фактов из истории войн Юстиниана в Италии подтвердил революционно-освободительный характер восстания Тотилы. Возражая М. Я. Сюзюмову, видящему основную социальную опору рабовладельческой реакции в городских ремесленниках, М. В. Левченко обратил внимание

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 189—190.

² Там же, стр. 190.

на широкое использование византийским государством в качестве военной силы значительных свободных элементов населения провинций: исавров, иллирийцев, армян, из рядов которых рекрутировалась и новая знать. А. В. Банк, опираясь на археологические данные, подчеркнула резкое различие между ремеслом античным и византийским VI в.: византийское ремесло этого времени нельзя рассматривать как простое продолжение античного. Ремесленники VI в. не были ремесленниками античного типа и не могли, хотя бы в силу этого обстоятельства, составлять опору гибнущего рабовладельческого общества. Ряд выступавших в прениях остановился на вопросе о составе сенаторской аристократии, на которую опирался Юстиниан. Чл.-корр. АН СССР В. Н. Лазарев, Е. Э. Липшиц и другие отметили, что знать в эпоху Юстиниана не представляла собой однородной группировки: наряду с рабовладельческой аристократией в нее входила новая, варварская знать. И. К. Кузикьян и А. П. Каждан подчеркнули убедительность трактовки мировоззрения Прокопия в докладе З. В. Удальцовой. И. К. Кузикьян указал на необходимость дальнейшего изучения Прокопия путем сравнения его «Тайной истории» с «Историей» Фукидида, которая послужила образцом для сочинения Прокопия. А. П. Каждан отметил, что работа З. В. Удальцовой помогает разоблачению фальсификаторских теорий западноевропейских византистов (Грегуар), превозносящих правление Юстиниана. А. П. Каждан подчеркнул большой интерес и ценность произведенного З. В. Удальцовой конкретного анализа вопроса об участии рабов в народных движениях.

В заключительном слове З. В. Удальцова подробно остановилась на высказываниях товарища И. В. Сталина о характере перехода от рабовладельческого строя к феодальному и в связи с этим — на особенностях этого процесса в Византии VI в. По мнению З. В. Удальцовой, гегемоном переворота, воспользовавшимся плодами победы народных низов, выступила феодализирующаяся варварская знать и та часть старой рабовладельческой аристократии, которая вливалась в состав формирующегося класса феодалов.

* * *

Обсуждение на византиноведческой сессии докладов, посвященных истории ранней Византии, свидетельствует о наличии в этой области многих неразрешенных вопросов. Несомненно, одной из причин этого является тот разрыв, который существует в работе по изучению судеб Восточной Римской империи между историками древнего мира и медиэвистами. История ранней Византии является одним из звеньев, тесно связывающих последний этап развития античного мира — время крушения рабовладельческого строя — с начальной стадией средневековья — временем становления феодализма. Византиноведческая сессия 1950 г. показала необходимость тесного творческого сотрудничества специалистов по этим разделам всеобщей истории.

М. А. Заборов

Письмо в редакцию

В журнале ВДИ, № 3 за 1950 г., стр. 123—133, напечатана рецензия М. Е. Грабарь-Пассек и Ф. А. Петровского под заглавием «Гомер, Одиссея, перевод П. А. Шуйского». В ней справедливо отмечается ошибочность перевода двух стихов (XVI, 115 сл.) — о братьях Телемаха, которых у него не было. Имеют основание и указания рецензентов на то, что в новом переводе встречаются нарушения порядка расстановки слов,

неправильные ударения и смысловые недоразумения, хотя для основательности этих (и других) выводов не мешало бы доказать, что их больше, чем у других переводчиков.

Все же вызывает удивление, почему рецензенты расходуют энергию на такую сравнительно мелочь, совершенно не касаясь более существенных вопросов, например, качества перевода таких мест Одиссеи, которые можно признать показателями культурно-исторического характера, образов Гомера и др. То же самое те же рецензенты проявили и в статье об Илиаде в новом переводе Вересаева (ВДИ, № 2, 1950), вследствие чего и эта статья оказалась однобокой, не выявляющей действительных плюсов перевода Вересаева и скрывающей существенные минусы.

Правильно указание рецензентов, что не следовало коровьего пастуха Филотия называть коровником и козоводом. Но древний поэт, впервые вводя в свой рассказ этого Филотия, говорит о нем (XX 185, сл.):

«К ним эс третий пришел Филотий, предводитель музсей, нетель (корову) бесплодную эсенихам веда и эсирных коз».

Следовательно, Филотий пас не только коров, но и коз; он не только коровий пастух, но и козий. Стоило ли, при наличии этого в подлиннике, дважды на протяжении краткой рецензии возвращаться к «козьему пастуху», пасшему «кривоногих» коров (вм. «криворогих» — по типографской ошибке, десятки которых благосклонно пропущены рецензентами в другой статье), и делать это главным (после «братьев Телемаха») основанием общего вывода о непонятности и неверности всего перевода.

В рецензии имеется несколько советов и категорических утверждений:

1. «...ни в коем случае не вводить в поэтический текст ненужные и непонятные (да, кстати сказать, и не объясненные (разрядка наша.— Г. Э. и В. М.) П. А. Шуйским) новые заимствования». Речь идет о введении новых для перевода поэм Гомера именовании: «басилей», «басилея» и «деспойна», почему-то названных «новыми заимствованиями». Подчеркнутое неверно: они объяснены во многих примечаниях и эпитетах (см. «Пенелопа», стр. 406).

2. «Черные тополи ввысь, а также бесплодные ивы» (X, 510).

Рецензенты утверждают: «В подлиннике нет ни черных тополей (они есть у Жуковского), ни бесплодных ив. Гомер, повидимому, знал ботанику лучше переводчика!» Это опять неверно, так как в подлиннике сказано:

μαῖραί τε αἰγυῖραι καὶ ἰτέαι ὄλεσιχαρποι

«И высокие черные тополи, и ивы бесплодные (погубившие плод)»

Все русские значения слов даны по упоминаемому рецензентами гомеровскому словарю Вл. Краузе, кроме последнего, значение которого по Вейсману — «теряющий плод, бесплодный». Следовательно, черные тополи есть не только у Жуковского, но и у Гомера. И ивы есть, и даже возможно назвать их бесплодными. Есть все, чего, по утверждению рецензентов, нет.

3. «Переводчик должен твердо знать (как знал это Жуковский), что Аид у Гомера не место, а божество, и не переводить... пребывает в Аиде» (XXIV, 264). Но известно ли рецензентам, что и Жуковский, знавший, по утверждению их, об этом, перевел стих X, 502 так:

«В аде еще не бывал с кораблем ни один земнородный»

У Гнедича в Илиаде также встречается понимание Аида не только как божества, но и места, например, в стихах VIII, 16 и XXII, 389. Велед за Гнедичем понимание Аида-места находим у Милского (VIII, 16 и др.) и Вересаева (XXIII, 137 и 244), но у последнего это не замечено рецензентами. Больше того: и у Гомера есть место, где без натяжки нельзя понять Аид как божество:

... εἰσόχεν αὐτὸς ἐγὼν ἸΑῖδι κερῶθωμι

«...покамест сам я в (печальном) Аиде не скроюсь».

Так, правильно в данном случае, перевел Вересаев, добавив лишь от себя слово, поставленное здесь в скобки. По упомянутому уже словарю Вл. Краузе ἄϊδι κελύφειν обозначает «sereliar, Ч, 244», т. е. буду похоронен, конечно, не в божестве Анда. Следовательно, и это утверждение рецензентов опровергается данными всех полных русских переводов и самого Гомера.

4. «П. А. Шуйский не обращает внимания на то, что его собственный перевод тех стихов, которые романтизирует Жуковский, страдает ничуть не лучшими добавлениями». В доказательство этого утверждения рецензенты сопоставляют оба перевода стихов XVI, 213 сл. Рецензенты должны были бы сказать, что ко всем своим украшениям Жуковский внес некоторое усиление: ὀδύρομαι — прежде всего «плачу». Во всяком случае «плакал», а не «рыдал» — скорее приближение к подлиннику, а не ослабление, как уверяют рецензенты, утверждая, что «в переводе П. А. Шуйского тоже введены лишние слова, а весь образ ослаблен». «Ведь слезы всегда льются из глаз», — логически рассуждают они. Но как быть с такими выражениями Гомера, как «небо широкое сверху» (Од., V, 185); или

*«устремляются эсе снизу ноги и руки сверху (Ил., XIII, 78) и
у него из глаз полились слезы, у гневною» (Ил., XXIII, 385) и мн. др.*

Ведь всегда ноги снизу, а руки сверху, ведь всегда слезы льются из глаз. При наличии такой стилистической особенности Гомера, хорошо, конечно, известной рецензентам, разумно ли было им говорить: «ведь слезы всегда льются из глаз» и на этом основании делать вывод об ослаблении всего образа?

Начав говорить о метрической стороне переводов, рецензенты мельком отметили некоторую погрешность в постановке двухсложных слов (когда, уже, они и т. д.), имеющих речевое ударение в конце, в безударное положение. В переводе «Идиллий» Феокрита таких погрешностей 48 на 412 стихов, «Аргонавтики» Аполлония Родосского — 27 на 254 (переводчик М. Е. Грабарь-Пассек). Рецензенты затем продолжают: «Но ведь гораздо хуже, когда, наоборот, в ударное положение попадают такие слова, как „за“, „иль“ и т. п., что постоянно наблюдается в переводе Шуйского». Рецензентам следовало, конечно, показать это сравнительно с другими переводами Гомера или других античных поэтов. Выше всего в этом отношении Одиссея в переводе Гнедича; слабее сего, за ней следует на значительном расстоянии Илиада в переводе Жуковского, а на весь его перевод 730 неудачных начал, т. е. — до пяти на сотню).

Что же сказать о следующем отрывке?

*«Ведь с малолетства уже присмотрелись они и привыкли,
Что нарождается свет и потемки друг другу на смену,
А потому никогда не могло появиться сомнение
Иль опасенье у них...»*

(De rerum natura, V, 977—980, в переводе Ф. А. Петровского).

Таких «что» в этом переводе пятой песни — 17, других односложных подчинительных союзов — 4, а всех неудачных начал — 67 (из них 22 на «плъ») на 1457 стихов, т. е. — больше 4,5% дефектных в этом отношении стихов.

В рецензированном переводе Одиссеи таких неудачных начал оказалось 38 на 12 110 стихов, т. е. 0,3%. Это много, но в 15 раз реже, чем у одного из рецензентов. Таким образом, вывод рецензентов в значительно большей степени относится к переводу одного из рецензентов, а также к переводу Вересаева, в котором рецензенты не разглядели ни этих и других значительных минусов, ни некоторых существенных плюсов, как не разглядели ничего существенного и в опыте нового полного перевода Одиссеи.

Доц. Г. Эбергардт и В. Миронов

От редакции. Помещая письмо двух сотрудников кафедры классической филологии Уральского университета, редакция ВДИ считает необходимым отметить, что большинство возражений авторов письма рецензентам несостоятельны. Слово «кривоногих» не отмечено в списке типографских опечаток. Термин «деспойна» объяснен под словом «Пенелопа», так что найти его довольно трудно. К тому же речь в рецензии идет не столько о пояснении терминов, сколько о целесообразности их применения. Не оправдана также и ссылка авторов на Od., V, 185; II., XIII, 78 и XXIII, 385. Перевод должен максимально приближаться к подлиннику, и рецензенты вполне правильно указали на неоправданное добавление переводчика в ст. XVI, 213. Правильно замечание авторов письма в отношении Анда.

Наконец, недочеты, отмеченные авторами письма в переводах Феокрита и Лукреция, никоим образом не должны были повлиять на оценку перевода «Одиссеи». Замечания авторов письма свидетельствуют прежде всего об их нетерпимости к критике, хоть и резкой, но заслуженной по адресу сотрудника кафедры классической филологии Уральского университета, переводчика «Одиссеи» П. А. Шуйского.

К статье «Неопубликованные надгробия из Керчи и окрестностей»

В № 4 ВДИ за 1950 г., стр. 69—77, была помещена публикация девяти новых надписей. По техническим причинам в статью не удалось включить графические воспроизведения некоторых надписей, которые прилагаются ниже:

№ 3
А

ΑΡΙΟΥ
ΑΚΑΙΘΥ
ΑΙΡΕΤΕ

ΑΡΙΟΥ
ΑΚΑΙΘΥ
ΑΙΡΕΤΕ

Б

ΠΑΣΩΝΥΙΕΒΑΣΙΛΙΚΟΥ
ΧΑΙΡΕ

ΠΑΣΩΝΥΙΕΒΑΣΙΛΙΚΟΥ
ΧΑΙΡΕ

Рис. 3. (А и Б). Надгробие, найденное на Эспланадной улице

№ 4

ΑΠΟΛΛΩΝΙΕ
ΑΝΟΠΤΕΝΙΟΣ
ΧΑΙΡΕ

ΑΠΟΛΛΩΝΙΕ
ΑΝΟΠΤΕΝΙΟΣ
ΧΑΙΡΕ

Рис. 4. Надгробие Аполлония, сына Аноптения

№ 5

ΣΤΥΡΑΝΕΥΕΙ
ΤΑΝΥΣΑΛΟΥ
ΧΑΙΡΕ

ΣΤΥΡΑΝΕΥΕΙ
ΤΑΝΥΣΑΛΟΥ
ΧΑΙΡΕ

Рис. 5. Надгробие Стирана, сына Танисала

№ 7

ΚΑΛΙΣΤΩΝΓΥΝΗ
ΕΠΕΙΚΡΑΤΟΥ
ΧΑΙΡΕ

ΚΑΛΙΣΤΩΝΓΥΝΗ
ΕΠΕΙΚΡΑΤΟΥ
ΧΑΙΡΕ

Рис. 7. Надгробие Калистон, жены Эпикрата

А. И. Болтунова